

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ТЮРКИЗМЫ В УДМУРТСКОМ III—IV

III. *туй*

Удм. *tuj* 'латунь'

~ мар. *toj* ~ чув. *tuj, toj* то же.

Отсутствие очевидных тюркских параллелей заставило Х. Паасонена с определенной осторожностью оценивать происхождение этих слов, несмотря на их очевидное единство (Paasonen 1902 : 269). Ю. Вихманн, также указывая на отсутствие параллелей в других тюркских языках, предпочитал, однако, предполагать чувашское происхождение удмуртского и марийского слов: «Бросающееся в глаза сходство удм. *tuĵ* и мар. *toĵ* 'латунь' указывает на то, что оба слова заимствованы из одного источника» (Wichmann 1903 : 108). М. Р. Федотов вслед за Ю. Вихманном считает, что удмуртское и марийское слова заимствованы из чувашского, но отсутствие тюркских параллелей приводит его к предположению о том, что «не исключено, что все три языка (sic! — В. Н.) восходят к более древнему, но пока неизвестному источнику» (Федотов 1996 II : 241).

Не совсем ясно, те же ли самые сомнения (о них автор не упоминает) или просто неаккуратность являются причиной того, что И. В. Тараканов аттестует рассматриваемое слово комическим образом двойко: удм. *tuj* из чувашского, а чув. *toj* — из удмуртского (Тараканов 1993 : 128, 169). Впрочем, труды И. В. Тараканова, посвященные пермско-тюркским контактам, не оригинальны (см. об одном аспекте: Напольских 1995), так что его точку зрения можно было бы и не упоминать, если бы не реальная проблема, которую она в данном случае нечаянно отражает: кажущееся отсутствие очевидных параллелей рассматриваемым словам как в финно-угорских, так и в тюркских языках.

Между тем, чув. *tuj, toj* невозможно отделять от названий медных сплавов (латуни и бронзы) в других тюркских языках: *tūč* 'бронза' у Махмуда Кашгарского, *tuč* 'бронза, латунь' в других тюркских источниках, осм. *tunč, tunž* 'бронза, руда' и т.д., причем этот тюркский корень заимствован в качестве названия бронзы, латуни и свинца в греческий, албанский, южнославянские и тунгусские языки (Räsänen 1969 : 499), а также — вероятно, через персидское *tuĵ* 'сплав, бронза' (← тюрк.) — в кавказские, армянский и курдский (Rybatzki 1994 : 225).

При этом ближайшая параллель чув. *toj*, уже не требующая оговорок, — это якут. *duj* 'полуда' (Räsänen 1969 : 488).

Естественно, нетривиальное соответствие в ауслауте (чув., якут. *-j* ~ тюрк. *-č/-nč*) нуждается в объяснении, одновременно предполагающем общую праформу. Такое было предложено М. Рясняном, который на нескольких примерах обосновал соответствие чув. *-j* ~ якут. *-jⁿ* (назализованный *j*) ~ староуйг. *n/j* ~ новоуйг. (диал.) *jn*, причем в древнетюркских рунических памятниках ауслаутному согласному в данных словах соответствовал особый знак (Räsänen 1957 : 156). Таким образом, чув. *tuj* 'латунь', якут. *duj* 'полуда' и общетюрк. **tun* (/η-č) 'бронза' возводимы к праформе **tuǰ/*tuń*, которая точно соответствует кит. *tong* 'медь', точнее ср.-кит. **thunε*. Общетюрк. **tunč* также представляет собой заимствование из среднекитайского: либо из формы типа кит. **tong-zi* 'кусок меди, медяк', либо (поскольку данное слово в китайском, кажется, не зафиксировано) кит. **tong-qian* 'медная монета' (< ср.-кит. **thunε-tshjeń*) (Rybatzki 1994 : 225—226).

Не исключено, что от общетюрк. **tun* 'цветной металл: бронза, латунь' образовано тюркское название золота: **altun* < **al* 'алый' + **tun* (Rybatzki 1994 : 204—206). Тогда подтверждением существования архаичной тюркской формы типа **al-tuǰ/*al-tuń* (с мягким **-ń*) может быть рус. *латунь*, заимствованное в этом случае из тюркского источника (Räsänen 1957 : 156).

Итак, чувашское название латуни восходит к старому заимствованию пратюркского времени из китайского языка, таким образом снимаются все сомнения в чувашском происхождении удмуртского и марийского названий латуни. Замечу, что это второе старое китайское заимствование в тюркских языках, попавшее в пермские (об удм. *šam* 'обычай, способ' см. Напольских 1999).

IV. кӧжы

Удм. *kežj* 'горох'

~ (?) коми *kjč* : *ańkjč* 'горох' (*ań* 'женщина, женский')

< праперм **kóžz/*kúžz*. Коми слово может быть вообще не связано с удмуртским.

Приводимое далее (КЭСК 33) мордЭ *ksnav* 'горох' (и мордМ *snav* то же) с пермскими словами едва ли сопоставимо (в мордовском следовало бы ожидать **č > š*, а не *s*), и для рассматриваемой этимологии в общем-то irrelevantно: мордовское слово также может быть возведено к тюркскому источнику (хотя и это предположение не снимает фонетических трудностей).

Пермское слово для обозначения гороха, таким образом, не имеет очевидных внешних параллелей. В этой ситуации, тем более когда речь идет о названии сельскохозяйственной культуры, предположение о заимствовании представляется весьма вероятным. Достаточно большое число названий культурных растений в пермских языках произошло из тюркских языков — болгарского или чувашского (удм. *kušman* 'редька', *šartčj* 'репа'¹, *sugon* 'лук' (Wichmann 1903 : 132), *kubista* 'капуста'²) и татарского (*kešjr* 'морковь', *tari* 'просо', *kijar* 'огурец', *jasnjik* 'чечевица' (Csúcs 1990 : 70)) — в этот список входят практически все культуры за исключением базовых злаков типа ячменя, ржи, пшеницы, овса.

Картина согласуется с поздними этнографическими данными: земледелие пермян носило зерновой характер, огородничество было развито относительно слабо, в традиционной системе питания овощные блюда играют гораздо меньшую роль, чем у русских и татар.

Ср. койб., саг. *köcä* 'суп или каша из цельных ячменных зерен', алт. *köcö*, шор. *köžö*, хак. *köce* 'ячмень', казах. *köžö* 'густая каша из зерен', осм. *gücä* 'блюдо из сорго и кислого молока' (Räsänen 1969 : 286). Семантический переход 'каша из цельных зерен' > 'гороховая каша' > 'горох' вполне допустим. Источником для праперм. **kōžz*/**küžz* не могло быть булг. **kōcö* с чувашским озвончением (ослаблением) **č* в интервокальной позиции, так как обычно чувашское интервокальное *óž* (< **č*) отражается в заимствованиях в пермских языках как глухая *č*. Следует, по-видимому, предполагать какой-то другой тюркский источник, где данное слово имело форму, близкую шор. *köžö*, возможно — кипчакский (ср. казах. *köžö*). Дополнительную трудность представляет твердая аффриката в пермском на месте изначально палатальной тюркской.

Ш. Чуч отмечает как минимум в пяти заимствованных из татарского языка удмуртских словах диалектную «депалатализацию (и какуминализацию)» аффрикат (*č* > *č̣*), и пишет, что «причины ее не ясны, однако следует заметить, что это изменение происходило только в анлауте и в четырех из пяти случаев в середине слова имеется веллярный согласный (*k, g, ŋ*). Возможно, мы имеем здесь дело с какими-то ассимиляционными явлениями» (Csúcs 1990 : 37). Следовательно, переход тюрк. **č̣* > праперм. **č̣* > **č̣* принципиально допустим.

Таким образом, несмотря на определенные трудности можно предположить, что удм. *kežij* 'горох' < праперм. **kōžz* заимствовано в позднепрапермскую эпоху из какого-то тюркского языка или диалекта, в котором общетюрк. **kōcö* 'каша из цельных зерен' имело облик **kōžö* и означало, скорее всего, 'гороховую кашу; горох (в зерне)'. Данное слово в таком случае может быть поставлено в один ряд с другими названиями овощных и бобовых культур, заимствованными в разное время в пермский праязык и в удмуртский язык из тюркских, и оно дополнило бы список возможных старых тюркизмов в пермских языках, не объяснимых непосредственно из «нормального» болгарского (древнечувашского) языка (см. Helimzskij 1984; Напольских 1995).

Примечания

¹ Сомнения по поводу болгарского (чувашского) происхождения этих слов безосновательны. Хотя само чув. *kšman* 'редька' скорее всего заимствовано из угорского: прауг. **koctz* 'дикорастущий корнеплод, дикий лук' (предположение о заимствовании из праперм. **kōctz* 'дикий лук' неприемлемо фонетически и выглядит странно с точки зрения последующего обратного заимствования из чувашского в удмуртский в новом значении) (Rédei, Róna-Tas 1982 : 162), удм. *kušman* 'редька', как и мар. *ušmen*, мордЭ *kšuman* то же, мордМ *kušman* 'хрен', и фонетически, и семантически объяснимо только как чувашское заимствование. По поводу удм. *šartčij* 'репа' ~ коми *šortii*, *šorkii* то же ← булг. **šar(ā)k* (> чув. *šarāk* 'репа') ← осет. ирон. *caexæra*, диг. *zæxæra* 'свекла, другие овощи' ← груз. *čarxali* 'свекла' ~ абх. *čarkwa* 'земляная груша' см. Напольских 2000 : 2; предположение о возможности обратного направления заимствования (Rédei, Róna-Tas 1982 : 174) в свете указанных внешних параллелей теряет смысл.

² Корневые *u* и *b* указывают на то, что рус. *капуста* попало в удмуртский язык скорее всего через чув. *kuvāsta*.

Сокращения

абх. — абхазский, **алт.** — алтайский, **булг.** — болгарский, **груз.** — грузинский, **диг.** — дигорский диалект осетинского языка, **ирон.** — иронский диалект осетинского языка; **казах.** — казахский, **кит.** — китайский, **койб.** — койбальский, **общетюрк.** — общетюркский, **осм.** — османский (старотурецкий), **саг.** — сагайский, **ср.-кит.** — среднекитайский, **староуйг.** — староуйгурский (чагатайский), **новоуйг.** — новоуйгурский, **Каз.** — казанский (по Б. Мункачи), **хак.** — хакасский, **шор.** — шорский.

ЛИТЕРАТУРА

- Напольских В. В. 1995, О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке. — Финно-угроведение, № 3—4, Йошкар-Ола.
 — 1999, Нетривиальные тюркизмы в удмуртском I. *šam.* — LU XXXV, 118—121.
 — 2000, Нетривиальные тюркизмы в удмуртском II. *šartčj.* — LU XXXVI, 276—281.
 Тараканов И. В. 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь), Ижевск.
 Федотов М. П. 1996, Этимологический словарь чувашского языка I—II, Чебоксары.
 Csúcs, S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest.
 Helimszki, E. 1984, Permi szófejtések. — NyK 86, 196—199.
 Munkácsi, B. 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
 Raasonen, H. 1902, Votják-török szójegyzetetések. — NyK 32, 257—270.
 Räsänen, M. 1957, Einiges über den Ursprung der Wörter für Messing. — Festschrift für Nikolaus Poppe, Wiesbaden (Studia Altaica. Ural-altaische Bibliothek, Bd. 5).
 — 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen, Helsinki (LSFU XVII).
 Rédei K., Róna-Tas A. 1982, Proto-Permian and Votyak Loan-Words in Chuvash. — Studies in Chuvash etymology, Szeged (Studia Uralo-Altaica 17).
 Rybicki, V. 1994, Bemerkungen zur türkischen und mongolischen Metallterminologie. — Studia Orientalia 73, Helsinki.
 Wichmann, Y. 1903, Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (MSFOu 2).

V. V. NAPOĽSKICH (Iževsk)

NICHTALLTÄGLICHE AUS DEN TURKSPRACHEN STAMMENDE
LEHNWÖRTER IM UDMURTISCHEN

III. DAS WORT *tuj*
IV. DAS WORT *kežj*

Udm. *tuj* 'Messing' ~ mar. *toj* id. gilt als Entlehnungen aus dem Tschuwaschischen (*tuj*, *toj* 'Messing'). Das tschuwaschische Wort stammt vom turkspr. **tuǰ* ab, das seinerseits aus dem Mittelchinesischen (**tʰuŋe* > chin. *tong* 'Kupfer') entlehnt wurde. In den anderen Turksprachen kommt dieses Wort als **tuǰč* 'Bronze, Messing' vor, das ein mittelchinesisches Kompositum (= chin. **tong-zi* 'ein Stück Kupfer' oder **tong-qian* 'Kupfermünze') ist.

Für udm. *kežj* 'Erbsen' wurde eine neue turksprachige Etymologie vorgelegt: turkspr. **köčö* 'Brei aus ganzen Körnern'. Die direkte Quelle des permischen Wortes konnte aber nicht das Bulgarische sein, sondern eine turksprachige (kiptschakische) Sprache oder Dialekt, wo vorliegendes Wort als **köžö* 'Erbsenbrei' vorkommen könnte.